7. *Сафиуллина Ф.С.* Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф.С. Сафиуллина. – Казан, 2007.

8. Татарча-русча сүзлек. – Казань, 2007.

УДК 81’233

А.А. Бондаревич
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Г.Р. Доброва

ОБ ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К НЕКОТОРЫМ ПОЛОЖЕНИЯМ МОРФОНОЛОГИИ

В статье рассматривается то, как некоторые положения морфонологии могут быть применены для изучения детской речи и как онтолингвистический материал дает дополнительные обоснования для подтверждения этих положений. Анализируются примеры субморфов в детских высказываниях, и предлагается более широкое толкование термина «субморф» в онтолингвистике. Предлагаются онтолингвистические критерии для определения направления чередований, как в детском языке, так и в системе языка в целом.

Морфонология, онтолингвистика, субморф, ложное морфемное членение, чередование, направление чередования.

The paper considers some basic ideas of morphophonemics that can be applied for studying children’s speech and ontolinguistic material that supports these ideas. The cases of submorphemes in children's speech are analyzed and the wider ontolinguistic interpretation of the term “submorpheme” is proposed. Ontolinguistic criteria are formulated for determining the direction of sound alternations both in children's language and in the language system in general.

Morphophonemics, ontolinguistics, submorph, false morpheme division, alternation, direction of alternation.

В рамках проведенного нами исследования морфонологических чередований русского языка на материале спонтанной речи детей в возрасте 2 – 5 лет мы ставили перед собой целый ряд задач, связанных с анализом исследуемого материала детских высказываний как в аспекте общелингвистических характеристик этого материала, так и в аспекте специфических особенностей детской речи и различий между детьми разных типов (нас интересовало то, как именно эти характеристики, особенности и различия влияют на процессы освоения морфонологии детьми).

Материалом исследования послужили дневниковые записи и расшифровки видеозаписей спонтанной речи детей (фонд данных кафедры детской речи Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена). Анализировались в основном записи речи четырех детей: Вани Я., Ани С., Лизы Е. и Вити О. Рассматривались также примеры из речи других детей, взятые из сборников детских высказываний и онтолингвистических работ (в первую очередь монографии С.Н. Цейтлин «Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи») [2]. Большинство анализируемых высказываний принадлежат детям в возрасте от 2 до 5 лет, но к исследованию также привлекался материал, соответствующий более ранним и более поздним возрастам.

Отдельной задачей нашего исследования, о которой пойдет речь в данной статье, был анализ применимости ряда морфонологических концепций и методов к материалу детской речи. Нас интересовал также вопрос о том, что нового онтолингвистический материал мог бы привнести в общеморфонологическую теорию. В качестве результатов по данному направлению исследования мы сформулировали ряд положений, выступающих в качестве онтолингвистических аргументов к некоторым спорным вопросам морфонологии и / или в качестве онтолингвистических трактовок определенных морфонологических концепций.

Наше исследование опирается на фонологические представления Ленинградской (Петербургской) фонологической школы (ЛФШ), поэтому в аспекте собственно морфонологической теории мы основывались на концепции В.Б. Касевича, давшего развернутую трактовку морфонологии с позиций ЛФШ [1].

С нашей точки зрения, ряд отмеченных и проанализированных нами детских высказываний свидетельствует в пользу концепции *субморфа* как одной из единиц морфонологического анализа (эта концепция впервые введена В. Г. Чургановой) [3].

Одним из наиболее типичных примеров субморфов считаются части корней, совпадающие по форме с суффиксами и содержащие в себе определенные чередования. В детских высказываниях мы сталкиваемся с такими явлениями, как генерализация, проявляющаяся в распространении беглости на «ложные суффиксы» (**Владивостка, *сапка* – примеры С.Н. Цейтлин), где дети могут принимать конечную часть слова за суффикс с беглой гласной. Эти примеры можно было бы связать с таким явлением, как ложное морфемное членение: чтобы уложить слово в знакомые модели словообразования и словоизменения, дети выделяют в некоторых словах «ложный суффикс». Однако чтобы говорить о морфемном членении, мы должны предполагать возможность выделения определенного значения (лексического или грамматического) у каждого элемента, полученного в результате членения (даже если это членение ложно). Вместе с тем мы едва ли можем предполагать, например, что дети осознают форму *сапог* как ‘маленький **сап’*, а *Владивосток* как ‘ма-

ленький **Владивост'*. Поэтому в этих случаях корректнее говорить о (ложном) субморфемном членении, то есть членении на субморфы – единицы, которые не имеют морфемного значения, но являются носителями определенных свойств морфем, связанных с морфонологией. Для обозначения морфемоподобной части (субморфа) таких сложных морфем В.Б. Касевич вводит термин «морфоид», который позволяет нам более специфически охарактеризовать рассматриваемые случаи ложного субморфного членения как случаи ложного выделения морфоида.

Нами был зафиксирован ряд примеров генерализации, проявляющейся в распространении беглости гласного на суффикс *-ик* по образцу беглых гласных [**е**] и [**о**] в суффиксах *-ек* и *-ок: *купки (кубики), в *сятке (в садике)* – ср. *кубик – *купки* с нормативным *кубок – кубки*. Кроме того, о фактическом наличии генерализации чередования мы можем говорить в случаях типа совмещения в детском лексиконе формы множественного числа *тапки* и сконструированной ребенком формы единственного числа **тапик.* Как и в случае с примером **Владивостка, з*десь мы не имеем оснований считать, что ребенок осознает *тапик* как 'маленький **тап',* а достаточно раннее по возрасту употребление тем же ребенком **купки* также не дает оснований полагать, что ребенок осознает значение этой формы как 'маленькие кубы*'.*

Представляется, что до тех пор, пока мы не можем с уверенностью говорить о том, что ребенок освоил значения определенных морфем, входящих в состав сложных образований (или, по крайней мере, не освоил соответствующие таким образованиям словоизменительные и словообразовательные модели и сопутствующие этим моделям изменения в значении), терминологически более корректно говорить в контексте детской речи о составляющих таких образований не как о морфемах или морфах, а как о субморфах или квазиморфах. Субморфы с чередованиями, вероятно, являются лишь одной из разновидностей таких составляющих. Таким образом, исходно морфонологическая концепция субморфа, с нашей точки зрения, может иметь не только сравнительно узкое, но и определенное широкое толкование и потенциально широкое применение в контексте онтолингвистики. Для обозначения обсуждаемого феномена может также употребляться термин «квазиморф», который не имеет столь явного оттенка «составляющей части» морфемы, как термин «субморф». Вместе с тем, термин «субморф» может трактоваться не только как составляющая часть морфемы (иногда совпадающая с целой морфемой), а как нечто, близкое к морфеме, но «ниже рангом», чем морфема.

При всем вышесказанном мы склонны согласиться с мнением В.Б. Касевича, что субморф является лишь вспомогательной единицей собственно морфонологии. О субморфах имеет смысл говорить тогда, «когда экспонент морфемы обнаруживает определенную внутреннюю сложность, неоднородность с морфонологической точки зрения» [1, с. 86]. В.Б. Касевич выделяет в качестве центральных проблем морфонологии проблему основного варианта и проблему формы морфонологических правил [1, с. 34]. Морфонология должна иметь «вид системы, в которой к исходным объектам – основным вариантам морфем – применяется набор правил, в результате чего порождаются все текстовые варианты для всех существующих контекстов» [1, с. 34]. Проблема определения основного или исходного варианта морфемы является, таким образом, первичным и необходимым условием для построения всей системы морфонологии. В иных терминах это можно обозначить как проблему определения базового направления чередований.

Существует ряд критериев для определения исходного варианта. При синхроническом анализе это различные чисто формальные критерии (например, выбор самого длинного или короткого варианта в качестве основного) и формально-содержательные критерии (выбор в качестве основного того варианта, который характеризуется «грамматической исходностью» и соответствует так называемой словарной форме слова или какой-то другой позиции в парадигме). Так как у любого отдельно взятого критерия имеются значительные недостатки, вслед за В.Б. Касевичем нам приходится согласиться с тем, что с синхронической точки зрения определение исходного варианта должно быть достаточно гибким и опираться на различные критерии. Интересно, что хотя ученый не пишет об этом прямо, фактически в рамках его формально-синхронического анализа исходные варианты морфем выделяются таким образом, что результаты имеют тенденцию совпадать с результатами определения направления чередований по критерию, который мы можем обозначить как исторический или диахронический: этот критерий опирается на исторические причины возникновения в языке тех или иных чередований; чередования оказываются направлены от исторически более раннего к более позднему члену чередующейся пары *(*например, [**к**] перешло в [**ч'**] в результате так называемой первой палатализации согласных в праславянском языке). В связи с существованием так называемых обратных чередований (типа *поме**ш**ать – поме**х**а,* где морфонологически исходное, но неисконное [***х***] возникает в результате чередования при образовании существительного от глагола), В.Б. Касевич разделяет такие понятия, как морфонологическая исходность и морфонологическая исконность [1, с. 57]. Морфонологическая исконность зависит от направления словообразования или словоизменения, которое, очевидно, может устанавливаться с точки зрения как синхронических, так и диахронических представлений.

Как представляется, в контексте детской речи достаточно очевидным образом возникает то, что можно назвать специфическим онтолингвистическим или онтогенетическим критерием определения направления чередования (как в аспекте исходности, так и в аспекте исконности). Исходными вариантами фонем или же исходными ступенями чередования в соответствии с этим критерием могут считаться те, которые раньше осваиваются ребенком и которые

становятся отправной точкой в его системе языковых правил. Неисконные варианты будут порождаться детьми в ходе детского словообразования и словоизменения, например, в таких парах, как *ча**ш**ка – *ча**х**а*, *кры**ш**ка – *кры**х**а,* где возникает неисконное и ошибочное для данных форм [***х***]. Онтолингвистический критерий, таким образом, будет характеризоваться определенным параллелизмом по отношению к историческому и формально-синхроническому критериям.

Установление исходных и исконных вариантов направления чередований у конкретных детей позволяет составить представление о том, как развивается языковая система ребенка. В отличие от системы языка вообще, где диахронический или формально-синхронический критерий жестко определяют систему чередований, в детском языке со временем эта система меняется, постепенно приближаясь к языковой норме. При этом материал нашего исследования показывает, что очень часто мы сталкиваемся с определенной нестабильностью в освоении чередований: словоформы с правильной и неправильной реализацией чередований у ребенка могут быть перемешаны на относительно небольшом отрезке или периоде речи. Что касается определения исходного варианта, то нельзя исключить возможность того, что на каких-то этапах варианты морфем с неисходной в норме ступенью чередования (например, [**ш**] вместо [**х**]) окажутся исходными в языковой системе ребенка (в силу того, например, что из-за обилия форм с уменьшительно ласкательными суффиксами в инпуте ребенка будут представлены в основном неисходные варианты).

Анализ детских высказываний показывает, что в большинстве случаев система чередований у детей очень рано обнаруживает некоторые ограничения, связанные с исходностью, которые характерны для системы чередований в норме. Так, большинство отмеченных в литературе детских словообразовательных инноваций, возникающих при упрощении морфемной структуры существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом, характеризуется переходом к исходной в норме ступени чередования (**ча**х**а* от *ча**ш**ка, *кры**х**а от кры**ш**ка, *лога от ло**ж**ка),* а не сохранением той же ступени чередования (**ло**ж**а от ло**ж**ка*). Это согласуется с представлением о том, что при словообразовании переходу к большей морфологической простоте чаще всего сопутствует переход к морфонологической исходности (здесь мы позволили себе несколько расширить исходный тезис В.Б. Касевича о том, что морфонологическая исходность тяготеет к морфологической «простой» производности, то есть производности с помощью нуль-аффиксации [1, с. 58].

Представляется, что существует фундаментальная причина, которая задает ограничения на исходность как в детской речи, так и в системе языка в целом. Построенная с помощью исторического или формально-синхронического критериев система чередований русского языка обладает тем свойством, что в подавляющем большинстве случаев фонемы, занимающие исходные ступени чередований, характеризуются относительной артикуляционной простотой. Видимо, поэтому они осваиваются детьми раньше занимающих конечные ступени чередований фонем или сочетаний (или отдельных фонем в составе сочетаний): гласные осваиваются раньше согласных, смычные – раньше щелевых, однофокусные раньше двухфокусных.

Это позволяет нам предположить, что морфонологическая исходность коррелирует с артикуляционной простотой. Соответствующий данным положениям критерий определения направления чередований мы могли бы назвать артикуляционно-онтогенетическим.

Этому правилу внешне противоречит тезис о том, что в чередованиях гласных с нулем звука (так называемые беглые гласные) и других случаях элизий исходным вариантом является гласная фонема, а не нуль звука. Однако, во-первых, согласно положению В.Б. Касевича нуль звука не входит в систему фонем русского языка, и корректнее в таких случаях говорить о наличии значимого опущения фонемы, то есть собственно элизии [1, с. 55], поэтому, нам представляется, что этот особый тип чередований может заслуживать специфической трактовки в рамках рассматриваемого критерия. Во-вторых, с собственно артикуляционной точки зрения, ступень чередования с отсутствием гласного приводит к возникновению относительно более сложных для произношения кластеров согласных.

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, материал детской речи дает нам возможность сформулировать дополнительные обоснования для подтверждения некоторых положений морфонологии, а с другой стороны, некоторые идеи морфонологии могут быть использованы для описания специфических фактов детской речи.

Литература

1. *Касевич, В.Б.* Морфонология / В. Б. Касевич. – Л., 1986.

2. *Цейтлин, С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С.Н. Цейтлин. – М., 2009.

3. *Чурганова, В.Г.* Очерк русской морфонологии / В.Г. Чурганова. – М., 1973.